

2 апреля 2009

Дмитрий Хворостовский: на опере разжиреть невозможно

24 октября в Таллиннском концертном зале Nokia выступит Дмитрий Хворостовский – один из лучших баритонов мира, герой оперной сцены, которым не устают восхищаться самые взыскательные критики.

На концерте Хворостовского мы услышим сочинения Чайковского, Рахманинова, Метнера. Любопытно, что аккомпанировать певцу будет наш соотечественник, профессор Эстонской музыкальной академии Ивари Илья. «Мы познакомились благодаря Ирине Константиновне Архиповой – в 1989 году она предложила мне выступить вместе с ним на конкурсе Би-би-си в Кардиффе, – рассказывает Хворостовский. – Мы подготовились, Ивари аккомпанировал мне на конкурсном выступлении, и я победил... С тех пор мы не виделись практически до XXI века, а последние пять лет достаточно плодотворно сотрудничаем, и я очень счастлив по этому поводу».

«ДД» благодарит концертное агентство Artmusic за возможность взять у певца эксклюзивное интервью.

Любовь к опере не умрет, но..

– Правда ли, что в Европе звезда оперы закатывается – в отличие от Японии, где вы дали один из последних концертов?

– Япония – одна из немногих стран, где классическая музыка любима и знакома большинству населения. Отношение к ней японцев – эталонное. Они строят концертные залы с удивительной акустикой, памятники архитектуры. Я выступал в знаменитом Сантори-холле и слышал краем уха о том, что японцы собираются возвести на его месте новый холл, грандиознее прежнего. В то время как Москва, располагая огромными ресурсами, не может себе позволить не то что построить что-то подобное – просто отреставрировать зал Московской консерватории. В странах Индокитая интерес к классической музыке распространяется не только на людей среднего и старшего поколения, на мои концерты приходит в основном молодая публика.

– А в Европе, в России, Америке?

– Всё зависит от концерта, но на оперных представлениях – в «Метрополитен», например, – сидит публика в основном с седыми головами. Если концерт с более современной программой, приходят и люди помоложе. Хотя и в Европе, и в Америке проводится большая работа по привлечению молодого поколения – дешевые билеты, абонементы... Опера остается музейным жанром. Ничего лучшего, чем оперы, написанные сто-двести лет назад, в этом жанре не создано. И никто уже не напишет ничего в настоящей оперной традиции и для оперного голоса. То, что пишется сейчас, требует другого подхода, другого типа исполнения. В современной опере настоящий белькантовый голос не нужен, нужны голоса более инструментальные, форсированные, кричащие, справляющиеся с неудобной тесситурой. Современная опера, как правило, антивокальна. Может быть, со временем опера трансформируется в нечто более демократичное. Любовь к классической опере не умрет, но это – жанр элитарный...

– *Что вам интереснее – концертные выступления, где «не нужно ни с кем делить сцену», или оперы, где требуется играть в ансамбле?*

– По знаку Зодиака я Весы, сегодня мне нравится одно, завтра другое. Благо, что у меня есть возможность и свобода выбора, в том числе – свобода выбора жанра. Многие не могут позволить себе такой роскоши. В моей жизни есть баланс оперных выступлений, классических концертных выступлений – под рояль, под оркестр, – неклассических выступлений под оркестр... Сейчас в мою жизнь пришло совсем «популярное» исполнение музыки. Бог весть что еще будет.

Хворостовский + Крутой

– *Что для вас важнее – гонорары, престиж театра, ваши собственные желания?*

– Если говорить об оперных театрах, гонорары там – чисто символические, на опере разжиреть невозможно. Поэтому я выбираю прежде всего престижность. Есть ряд театров, где я считаю нужным появляться на протяжении всей моей карьеры – «Метрополитен», «Ковент-Гарден», «Бастилия», «Ла Скала», оперные театры Мюнхена и Сан-Франциско. Их немного, но выступаю я там достаточно часто, потому что это самые престижные и интересные театры мира.

– *В вашем гастрольном графике в этом году значатся концерты Игоря Крутого...*

– Да, это наш совместный проект. Его начало, прорыв, можно сказать, запланирован на ноябрь. Концерт в Петербурге, три концерта в Москве, два – в Киеве. И еще один концерт планируется в Нью-Йорке в марте 2010 года. – Игорь Крутой ассоциируется все-таки с российской поп-музыкой, вы – с миром высокого искусства, и кажется, что «вместе им не сойтись» – нет? – Вы всё увидите и услышите сами. Игорь – прекрасный мелодист, и то, что он сочинил для меня, более чем достойно. Я этим проектом живу последние два года, после этого интервью еду на очередную запись. Не нужно думать, что это будет просто концерт популярной музыки. Если всё пойдет правильно, мы представим публике грандиозное театральное шоу.

– *Ваш звездный статус вас сковывает или, наоборот, дает свободу?*

– Знаете, внимание к артисту само по себе никогда никому не мешало и никого не портило, что бы кто ни говорил. Ясно, что внимание – это палка о двух концах, но любой артист надеется, что публика проявит внимание к его персоне. А мне – грех жаловаться...

– *Вы не страдаете «звездной болезнью» и остаетесь верны себе: любимая одежда у вас джинсы, любимое блюдо – пельмени... Какими качествами нужно обладать, чтобы выдержать испытание медными трубами?*

– Нужно уметь смотреть на себя со стороны, причем трезво – на свои возможности, на свою внешность, на профессиональное поведение. Надо относиться к себе с некоторой долей иронии. Знаете, когда начинаешь думать о себе в превосходной степени, жизнь тебя наказывает – очень больно бьет по носу. В результате вырабатывается рефлекс, и как только ты начинаешь зазнаваться, так моментально вспоминаешь о боли. Надо всегда смеяться над собой. Это очень помогает.

Революция на следующий день

– *У вас очень напряженный концертный график. Наверное, времени на семью, на воспитание детей остается совсем немного...*

– Честно говоря, мои дети меня воспитывают, а не я их. Это правда, я не кривлю душой. Благодаря моим детям я многому учусь, становлюсь проще, вся моя сумрачность улетучивается, как только я вижу эти чудные лица. Дети – смысл моей жизни, мое будущее, воплощение моих мечтаний. Они и мои надежды, и моя боль, потому что я с ними вижу очень редко, и мои друзья. Уже сейчас я могу совершенно спокойно разговаривать обо всем с моим старшим, Данилой, и с дочерью Сашенькой. Мой средний сын Максим, которому исполняется шесть лет, – очень серьезный человек. Он растет у меня на глазах, в отличие от Данилы и Саши – они живут с матерью, моей первой женой, с ними я не так часто вижу... В Максиме клокочет энергия, он очень талантливый, своенравный, честолюбивый, в каком-то роде – отражение меня самого.

– Насколько быстро вы ощутили после знаменитой победы в Кардиффе в 1989 году, что ваша жизнь изменилась навсегда?

– На следующий день. Я поехал в Лондон, вышел на площадь Ковент-Гарден, чтобы посмотреть на гигантском экране оперу «Трубадур», где пели Пласидо Доминго, Ева Мартон, Сергей Лейферкус, Фьоренца Косотто, и ко мне стали подходить люди – за автографами. Конкурс ведь был телевизионный, меня узнали... Я тогда был молодой и всё воспринимал как должное. Подкоркой я понимал, что моя жизнь переменялась, что в ней произошла революция, – но убеждал себя в том, что так и надо, что я этого достоин. Может быть, я был прав, черт его знает. Даже сейчас я думаю, что был прав. Еще через день появились контракты, и вся моя жизнь была расписана на пять лет вперед.

– Это правда, что когда вы видите березы, вы ощущаете тоску по родине?

– (Смеется.) Это я шутил. В каждой шутке есть доля шутки, но... Вдали от родины береза, как бы пошло это ни звучало, становится символом России. Да, я очень сентиментален и иногда, когда вижу березы, ощущаю комок в горле. У меня перед домом в Лондоне стоит чудная березка.